

Елена Сазанович

Сад для бегонии



Елена Сазанович
Сад для бегонии

«Автор»

1997

Сазанович Е. И.

Сад для бегонии / Е. И. Сазанович — «Автор», 1997

«Мысли о самоубийстве у меня возникли только спустя год после смерти матери. Тогда, пожалуй, я впервые по-настоящему задумалась о несправедливости мира. Об этом всегда по-настоящему задумываешься, когда судьба несправедлива именно к тебе. Немилости к другим всегда переживаются легче. Если переживаются вообще...»

© Сазанович Е. И., 1997

© Автор, 1997

Содержание

| | |
|-----------------------------------|----|
| Елена Сазанович | 5 |
| Конец ознакомительного фрагмента. | 20 |

Елена Сазанович

Сад для бегонии

1

Мысли о самоубийстве у меня возникли только спустя год после смерти матери. Тогда, пожалуй, я впервые по-настоящему задумалась о несправедливости мира. Об этом всегда по-настоящему задумываешься, когда судьба несправедлива именно к тебе. Немилости к другим всегда переживаются легче. Если переживаются вообще.

Я никогда не относилась к слабым. И даже эти чуждые мне мысли были далеко не признаком слабости. Они стали итогом безнадежности. Тупика. В который я угодила по воле судьбы. Целый год после смерти единственно дорогого мне человека я отчаянно боролась за существование. Отчаянно цеплялась за любую надежду. И иначе, как существованием, мою жизнь нельзя было назвать. И если я не рассчиталась с жизнью сразу же после ухода матери, то только потому, что я вообще не могла ни о чем думать. В моей голове было месиво из частичек прошлого. Из стандартных фраз и механических жестов настоящего. Из отрывочных мимолетных мыслей о будущем. В моем мозгу как бы захлопнулась дверца здравого смысла. И я даже не могла подумать о таком безрассудном поступке – покончить с собой. Потому что даже о таком безрассудном поступке нужно хоть капельку подумать.

Тогда я не могла думать вообще. На мир я смотрела словно сквозь завесу тумана. Словно сквозь дымчатые очки. Словно сквозь сновидения. Которые когда-нибудь обязательно должны закончиться. И тогда я вновь смогу двигаться, прекрасно зная, что я именно двигаюсь. Разговаривать, зная, о чем говорю. Думать, зная, что я думаю. Кушать, ощущая вкус пищи. Слушать и слышать. И, наконец, просто видеть окружающий мир таким, какой он есть. И не более и не менее. Просто видеть.

К реальности настоящего я вернулась только через год после этой ужасной трагедии. И первой четкой и разумной мыслью была мысль о самоубийстве. Я наконец логически осознала бессмысленность своего пребывания в мире. И поняла. Что мне до этого мира нет дела. Как и ему до меня. И лучшим выходом будет просто взять и уйти. Почти по-английски. Без лишних слов и прощаний. Впрочем. И прощаться мне было не с кем. Оставалась надежда. Что своих единственных близких людей я еще встречу. За гранью жизни. А если не встречу, то никогда уже не узнаю об этом.

И чтобы окончательно привести мысли в порядок и решиться на этот последний шаг. Я прямиком отправилась в тир.

Так было в детстве. Перед решением какой-либо важной проблемы. Или после неудачного ее разрешения. Я брала в руки оружие. Но тогда все было проще. Я бегала в свою спортивную школу, где тогда занималась. И стреляла. Стреляла. Стреляла. Я считалась лучшим стрелком нашей секции. Еще бы чуть-чуть – и мне светило будущее мастера спорта международного класса. Если бы не убили моего отца.

Мне в этот день исполнилось тринадцать. И мы с мамой в этот день не предчувствовали ничего дурного. Мы просто его ждали. И я была счастлива. Как никогда. Я была счастлива, что выросла вполне симпатичной девочкой. Что у меня красивое шелковое платье, которое совсем недавно мне из Лондона привезла мама. Я была счастлива. Что у меня такие родители. Самые лучшие в мире. Самые благородные. Интеллигентные и порядочные люди. Я безмерно гордилась своим отцом. Этим огромным сильнейшим человеком. Майором милиции. Посвятившим свою жизнь борьбе со всякой мразью. И, несмотря на всю грязь, окружавшую его, всегда оста-

¹ В повести использованы стихотворения Игоря Рыбалтовского и Сергея Трусевича.

ющимся весельчаком и балагуром. Человеком. С которым так легко. И так спокойно. Он был гарантией нашего завтрашнего счастливого дня. Гарантией нашей безопасности. Нашего будущего.

Я безмерно гордилась своей матерью. Этой хрупкой. Мягкой. Удивительно красивой женщиной. Она была переводчиком. Она объездила полмира. И считала самой лучшей на свете землей – нашу. Она была гарантией духовности, доброты и честности. Присущей нашей стране. И нашей семье.

Я была счастлива. Что считаюсь лучшим стрелком в ДЮСШ. И возможно. Совсем скоро отправлюсь на международные соревнования. Пожалуй. Это невесомое состояние безмерного счастья было последним в моей жизни. Когда хотелось кружиться по комнате. Хохотать во весь голос. И петь. Обнимать со всей силы маму. И выбегать на балкон, ожидая, когда же наконец подъедет машина отца.

Я так и запомнила этот день своего тринадцатилетия. Сладкий запах только что начавшейся весны. Мы с мамой в одних легких платяицах на балконе. В обнимку, защищая друг друга от холода. И вглядываясь. Вглядываясь вдаль. Этот фрагмент моей жизни, словно фотография, застыл в памяти. И мне было бы гораздо легче жить, если бы я могла уничтожить этот снимок. Тогда бы я не знала, что такое счастье. И тогда мне было бы проще выжить.

Но судьба не прощает полного счастья. Его не прощают и люди. Но мы, по простоте души или по наивности, этого не знали. Мы наслаждались своим семейным уютом. Мы любили друг друга. И мы так любили жизнь. И тогда мы не знали, что за эту большую любовь к жизни, сама жизнь с нами и рассчитается. Но уже смертью...

И дни рождения мы считали личным. Интимным праздником для семьи. Исключительно для нашей неунывающей троицы. И в тот день, в день моего тринадцатилетия, мы с мамой ждали моего отца. И мама, как всегда, одела лучшее платье. И аккуратно уложила свои пышные волосы. Я, как всегда, расставляла тарелки и бокалы. Непременно что-нибудь разбивая. И кричала:

– Это обязательно к счастью!

И я уже знала, что совсем скоро придет отец. И я брошусь ему на шею. А он закружит меня по комнате. И завалит подарками. А потом. Чуть подвыпив. Будет долго и шумно, очень экспрессивно и увлекательно, рассказывать о военных подвигах своего отца – моего деда. О себе отец никогда не любил рассказывать. А если и говорил. То мало и скупно. Но в остальном он был удивительный, талантливый рассказчик. И мы с мамой обожали его слушать. И просили повторить снова и снова. А потом мама обязательно будет петь под гитару. Прищурив свои большие зеленые глаза. И чуть склонив голову.

И у папы появятся на глазах слезы. А я буду сжимать свои кулаки, чтобы не разрыдаться вслух. В отличие от отца я боялась показывать свои чувства. Потому что была гораздо слабее его. Только по-настоящему сильный человек может позволить себе маленькие слабости. И не бояться их.

Мама всегда пела песни Константина Локарева. И мы любили эти песни. В них было столько душевной чистоты, столько обаяния и какой-то внутренней боли. Что, казалось, они были рождены вопреки этому бездушному. Холодному миру. И, казалось, автор каждой своей песней бросал вызов несправедливости и бесчестию.

У нас дома были все альбомы и магнитофонные записи этого талантливого музыканта и поэта. Я помню даже на барахолке купила майку с его трафаретным изображением. Хотя терпеть не могла ни барахолки, ни подобных вещичек. Но с этой майкой я никогда не расставалась.

В ожидании отца мы, как всегда, включили магнитофон с последними записями Локарева. И низкий, мягкий, густой голос заполнил нашу комнату. Мы так заслушались, что сразу и не услышали телефонный звонок. Он был настолько некстати. Его звук был настолько слабый и бездарный. Что мы поначалу не обратили на него внимания. И когда он настойчиво повто-

рился. Мы с мамой недоуменно переглянулись. Кроме отца мы никого не ждем. Кроме отца нам сегодня никто не нужен. А он скоро придет. Как и обещал. Без предварительного предложения. Как всегда. Он переступит порог нашего дома. Громко рассмеется вслух, показав свои безукоризненные белые зубы. И крикнет.

– Здесь проживают самые красивые женщины в мире? Король лесов и лугов велел им передать...

И опустит к нашим ногам корзину пестрых благоухающих цветов. И сладкий аромат разольется по всей квартире. И отец вновь приблизит весну.

Телефон по-прежнему настойчиво надрывался. И маме ничего не оставалось. Как выключить магнитофон. Оборвав певца на полуслове. И поднять трубку. Мама очень спокойно, тихо спросила.

– Да, алло. Я вас слушаю. Да, это я.

На этом фрагмент счастья в моей памяти обрывается. Потому что все последующие события я воспринимала уже в тумане, в дымке невероятного, невозможного.

Мама так и стояла, застыв на месте с поднятой трубкой в руке. И уже так же тихо, так же спокойно повторяла одно только слово:

– Нет, нет, нет.... Нет, нет, нет...

Я так и запомнила это «нет». На всю жизнь. Это «нет» в один миг перечеркнуло наше счастье. Наш дом. Наше будущее.

– Нет, нет, нет...

И мама так же медленно. Так же спокойно. По-моему еще спокойнее. Сползла на пол. И прикрыла глаза. И уже ничего не чувствовала. Это тоже своеобразная самозащита. Ничего не чувствовать хоть на некоторое время. Чтобы потом очнуться с надеждой. Что трагедия всего лишь приснилась.

Но это был не сон. Хотя все воспринималось именно так.

Если бы смерть отца воспринималась реально. Если бы мы с мамой ее по-настоящему осознали. Поверили в нее. Мы бы не выжили...

Так закончился мой день рождения. После которого наступила моя маленькая смерть...

И потом. Когда мы так же, ничего не соображая вернулись с похорон. Мама по инерции нажала на кнопку магнитофона. И низкий мягкий голос Локарева зазвучал с новой силой. Это была любимая песня отца. И помню, мама плавно повернула ко мне лицо. В миг постаревшее на несколько десятилетий. Слегка встряхнула в миг поседевшими волосами. И тихо произнесла.

– Сашенька, сейчас придет папа. Мы его подождем? Мы не будем без него начинать.

И она повернула голову к двери.

И я ей верила. Я верила. Что сейчас распахнется дверь. И на пороге появится отец с корзиной благоухающих цветов. И мы наконец-то начнем праздновать мой день рождения. Наша память остановилась только на том мгновении, когда мы его ждали. На этом остановилась и наша с мамой жизнь. И ничего иного мы воспринимать не хотели. И отказывались в иное верить.

Пожалуй, еще в то время нам с мамой помогли выжить песни Константина Локарева. И трагедия жизни воспринималась. Как данное. Неизбежное. Как обязательный знак судьбы. И я из дня в день включала его записи. И слушала... И песни его давно вышли из моды. И сам автор неизвестно куда пропал. Но частица его души. Мечущейся. Больной. Благородной. И прекрасной. Навсегда поселилась в нашем доме.

С этих пор моя потенциальная карьера стрелка завершилась. И я брала оружие в исключительные моменты. Когда мне было плохо. Когда я стояла перед решением важной проблемы. Или после неудачного ее завершения. Вот тогда я и бегала в тир. И стреляла, стреляла, стреляла. Всегда попадая в цель. Никогда не промахиваясь.

И сегодня. Спустя год после смерти матери. Когда я окончательно вышла из забытья. И всерьез задумалась о самоубийстве. Потому что могла уже думать. Я напрямик направилась в тир.

Дядя Гога, толстый грузин с пышными усами – хозяин тира – мне, как всегда, приветливо улыбнулся. И подмигнул.

– Ну что, Александра, вновь пришла меня разорить? И как ты умудряешься это делать? А ну-ка теперь попробуй.

И он прикрепил к щиту совсем маленькую мушку. Которую даже вооруженным взглядом можно было с трудом различить.

Я приложила ружье к плечу. Прицелилась. И не долго раздумывая. Выстрелила. Мушка отскочила в сторону.

– Ну и девчонка, – восхищенно выдохнул дядя Гога. – Такой талант пропадает зря. Глаз – алмаз. И рука тверда. Твоего самообладания хватит на десятерых. Если не больше.

Если бы дядя Гога знал. Что моего самообладания не хватает даже на меня. Если бы он знал, что совсем скоро его хватит только на то, чтобы умереть. И как жаль, что это придется сделать не с помощью револьвера. Здесь бы я уж точно не промахнулась.

И я, вновь перебивая свои мысли, принялась стрелять. Раз, два, три. И все в одну точку. Ни разу не промахнувшись.

Позади меня раздались громкие аплодисменты.

– Ай да, девчонка, – услышала я позади себя приятный мужской баритон. И резко обернулась. И отложила винтовку.

Передо мной стоял высокий мужчина лет тридцати пяти. Мягкий синий взгляд. Мягкая добрая улыбка. Зачесанные назад светлые волосы открывали большой лоб. Из-под длинного плаща выглядывал дорогой синий костюм и широкий шелковый галстук.

Его через чур интеллигентный. Аккуратный. Эстетский вид меня несколько смутил. И я машинально опустила голову, взглянув на свои рваные джинсы, кеды и футболку, на которой трафаретно и безвкусно улыбался мой кумир Константин Локарев. Выглядела я не самым лучшим образом. Я давно перестала обращать внимания на свой внешний вид. И не только из-за бедности. Просто, в сравнении со страшными событиями, которые мне пришлось пережить, остальное давно утратило смысл. И казалось настолько ничтожным и неоправданным. Что я даже удивлялась. Как люди могут думать о стольких незначительных вещах. Когда мир так несовершенен. Когда завтра для них может и не наступить.

И впервые за долгое время, глядя на этого симпатичного парня. Я смутилась. Он был словно пришельцем из другого мира. Мира. Где возможно думать о красивых вещах. Где возможно элегантно одеваться. Следить за манерами. И просто жить. Мне он понравился с первого взгляда. Внушил доверие и симпатию. Может быть, только потому, что я совсем одичала. Что мне не с кем было его сравнить.

Он продолжал улыбаться. Но его голубые глаза были вдумчивы и серьезны. Он не был похож на легкомысленного типа, готового приударить за любой юбкой. Да я и не походила на юбку, за которой мог приударить человек такого класса.

– Я восхищен вашей стрельбой, – наконец сказал он. – И мне даже немножечко стыдно и досадно. Что я, здоровый мужик, вообще не умею стрелять. А такая хрупкая молоденькая девчонка запросто выбивает «десятку». Неужели наше время настолько безобразно?

Я пожала плечами. И еле слышно пробормотала.

– Время всегда зависит от людей. И это безобразие, к счастью. Легко поправимо. Просто я должна перестать стрелять. А заняться. К примеру. Музыкашкой или домашним хозяйством. А вам просто нужно поднапрячься и научиться стрелять. Вот и все.

– Действительно. Просто. И действительно поправимо, – он рассмеялся. У него был звонкий, открытый, подкупающий смех.

– Лучше было бы поправимо другое.

Я нахмурилась и отвела взгляд в сторону. Я чувствовала. Что не могу болтать о пустяках. Что давно разучилась. Как давно разучилась смеяться. И эта печать боли застыла на моем лице. И если пожилых людей эта печать даже красит. Говоря о мудрости и о силе человека, сумевшего многое пережить. То в мои двадцать эта боль на лице выглядела уродливой и комичной.

И я вновь смутилась. И мне захотелось сбежать. В свой дом. В свои четыре стены. Закрыться. На все замки. И вновь остаться одной. Там, где жили мы втроем. И кроме отца и матери мне никто не был нужен. И я никому не хотела быть обязанной. И ни перед кем не изображать беззаботность и очарование юности.

Но я почему-то стояла словно прикованная к одному месту. И смотрела себе под ноги. И молчала.

– Вас что-то мучит... – он уже не улыбался. Он прикоснулся ладонью к моему подбородку. И слегка приподнял мое лицо. И заглянул вглубь моих глаз. – Вам много пришлось пережить...

Я не отводила взгляд. Я уже не смущалась. На моем лице застыла презрительная ухмылка. Скорее всего я ее адресовала себе. Так тебе и надо, дурочка. Еще чуть-чуть. И ты бы расклеилась перед этим красавчиком. Разрыдалась на его плече. И поведала о своих горестях и бедах. Нет уж! Дудки! Это моя боль. Я пережила ее в одиночку. И с ней же уйду в другой мир. Где, может быть, встречусь со своими единственно близкими людьми. И только там поведаю о своей боли. И только там спрошу, почему оставили меня одну на земле. И за что.

Я резко убрала его руку от своего лица. И выскочила из тира. И почти бегом направилась к своему дому.

Он нагнал меня. И выдохнул, тяжело дыша от бега.

– Простите. Ради Бога. Я не хотел вас обидеть. Ради Бога, умоляю.

– Вам не за что просить у меня прощения. Лучше просто распрощаемся. В конце концов. Мы могли никогда не встретиться.

Он отрицательно покачал головой.

– Не знаю. Эта встреча была неизбежна. Если хотите – просто запланирована. И все равно случилась бы. Вы так похожи на свою мать...

Мое сердце на миг остановилось. Мои ноги отяжелели. Перед глазами поплыли ослепительно желтые круги.

– Я вас не понимаю, – прошептала я пересохшими губами. – Не понимаю... Мама... При чем тут мама?

– Я не мог вас раньше потревожить. Поймите, не мог. Вы должны были пережить эту трагедию. Привести мысли в порядок. Вначале вы должны были вернуться к жизни. И я понял, что теперь... Что теперь этот момент наступил.

– Какой момент? Я не понимаю! О чем вы! – я уже не шептала. Мой голос окреп. Сердце сильно билось. И я вцепилась в рукав плаща этого незнакомого человека.

– Момент... – протянул он. – Момент истины. Ведь вы хотите узнать правду. Не так ли?

– Я не знаю...

Он удивленно взметнул вверх свои светлые густые брови.

– Я думал, что все хотят знать правду.

– А я не знаю. Я уже для себя все решила. Как быть дальше. И теперь... Откуда мне знать, какой будет ваша правда. И зачем мне она. Моя правда здесь, – я постучала кулаком по груди. – Это боль. И я не хочу. Чтобы вы сделали мне больнее... Куда уж больнее...

Он покачал головой. Его синий взгляд стал печальным.

– Мне очень жаль. Конечно, можно ваши проблемы решить одним махом. Например, взять и застрелиться. Ведь вы прекрасный стрелок. Но... Но это никогда не поздно сделать. Неужели вы не хотите отомстить за людей. Дорогих вам. Неужели не хотите отомстить за себя?

– Что значит отомстить? Кому?

– Так значит вы хотите знать правду?

– Во всяком случае, вы правы в одном. Это никогда не поздно будет сделать... Идемте.

– К вам? – он искренне удивился. – Вы не боитесь остаться наедине с незнакомцем?

Его удивление. Непонимание. Было настолько смешным. Что я невольно улыбнулась. Сегодня я решила рассчитаться с жизнью. И при этом я еще должна кого-то бояться? Да за свою недолгую жизнь я столько испытала, что чувство страха для меня окончательно утратило первоначальный смысл. И я его не понимала.

Он прочитал мои мысли, и молча пошел рядом со мной.

Моя квартира выглядела опустошенной, невзрачной, почти бедной. Много вещей после смерти родных пришлось продать. И она напоминала квартиру холостяка. Еще не опустившегося. Но уже утратившего всякий интерес к уюту и вещам. Уют нужен дому. Свой дом я давно потеряла.

Единственное. Что еще было живым. Это цветущие на подоконнике бегонии. Как они умудрились выжить в моем мертвом доме...

Мой гость в своем дорогом безукоризненном костюме был здесь некстати. Но я уже не испытывала неловкости. Незачем было оправдываться. Моя жизнь никого не должна волновать. И я гордо, почти вызывающе, встряхнула головой. Это была всего лишь гордость несчастного человека. Не более. Но это было единственное. Что я сумела уберечь в целости и сохранности. Единственное. Что никто не смог бы у меня отнять.

Его звали Евгением. Он попросил называть его Женей. Хотя разница в возрасте была не такой уж и маленькой. Но я заметила, что он был из тех мужчин, которые не желают стареть. И фамильярным обращением пытаются оттянуть это время. Я уверена, что он и в семьдесят тоже будет просто Женей. Впрочем. Мне было все равно. Евгений он или Женя. И тем не менее я пожелала. Чтобы меня он называл не Сашей, Сашенькой или Сашкой. А на полную катушку – Александрой. Он улыбнулся моему заявлению. Он понял мой юношеский максимализм. Желание все делать наоборот. Несмотря на то, что на моем лице застыла совсем взрослая печать боли.

– Ну, хорошо, Александра. Тебя так называли в честь твоего отца?

– Ну, не чужого же, – буркнула я.

– Ты варишь очень вкусный кофе, – он вновь попытался разрядить обстановку. И ему это вновь не удалось.

Кофе был отвратительный. Безвкусный. Совсем водяной. К тому же пахнувший ржавчиной, навеки прилипшей к моей турке.

– Давайте договоримся сразу – не лгать, – ответила я. – Иначе нам просто вообще нет смысла разговаривать. Если не хотите меня чем-то обидеть – лучше просто промолчите.

Он утвердительно кивнул.

– Ты мне нравишься, – откровенно признался он.

– Вы мне тоже, – не менее откровенно призналась я. – Иначе я бы не впустила вас в свой дом.

– Прекрасно. Это уже что-то. Нам будет легче разговаривать.

– Говорить будете вы, – поправила я Женю. – Я буду просто слушать.

Он вновь улыбнулся. Все-таки какая у него была располагающая улыбка! Я уже так никогда не научусь улыбаться.

– Хорошо, Александра. Я просто спрошу. Скажи, если бы ты узнала имя человека, который виновен в смерти твоей матери. И, возможно, отца. Что бы ты сделала?

– Убила, – так же просто ответила я. И сама поразилась насколько естественно прозвучало это чудовищное слово. И чтобы убедиться, что я не ошиблась, вновь повторила. Но уже для себя.

– Да, убила. Я умею стрелять.

– Я это знаю.

– Что вы еще знаете?

– Я знаю имя человека, из-за которого ты потеряла все. Из-за которого ты осталась совсем одна. Из-за которого ты стала несчастной.

– Назовите его.

Он встал, приблизился к окну. Некоторое время молча вглядывался вдаль.

– Это не так просто, девочка, – он тут же осекся, назвав меня девочкой. Он знал, что мне это не понравится. Он знал, что это обращение может быть адресовано кому угодно. Только не мне.

– Это не так просто, Александра, – поправил он себя, – я не могу... Не имею права назвать тебе его имя. Это очень важное, высокопоставленное лицо. Он когда-то подставил твоего отца. Потом исхитрился влюбить в себя твою мать. Но она узнала правду. И не выдержала... Вот, – он вытащил из нагрудного кармана пиджака сложенный вчетверо листок. И протянул мне. Ты, надеюсь, узнаешь почерк своей матери.

Я как можно спокойнее взяла письмо. И все-таки не выдержала. Мои руки задрожали, когда я разворачивала его. На моих глазах выступили слезы. Да, я отлично знала почерк своей матери.

– Я не мог отдать тебе его раньше. Ты была не готова. Ты могла надеть массу глупостей. И теперь... Постарайся взять себя в руки. Постарайся спокойно его прочесть. Ты уже научилась быть сильной.

Я слегка кивнула, сглотнув слезы. И пробежала по письму. Я старалась читать его быстро. Я знала, маленькая остановка, пауза, желание обдумать фразу, могут привести меня к срыву. Я могла не выдержать. Закричать на всю комнату. Затопать ногами. Забиться головой о стену. Но мне нужно было сдерживать свои эмоции. Мне необходимо было узнать правду.

Это было письмо отчаявшегося человека, стоящего одной ногой в могиле. Человека, у которого не осталось ни одного шанса выжить. И даже такой шанс как я – исключался. И я впервые поняла свою мать, которая добровольно ушла из жизни. Не подумав. Какую жизнь она этим уготовила мне.

Ее не просто предали. Ее предал друг, которому она безгранично верила. Единственному. Кому она доверила свою жизнь после отца. Чтобы спастись и спасти меня. Но это было не спасение. Это был конец. Это было не просто предательство. Это было предательство человека. Который убил ее мужа. Став после этого ее другом. И любимым. Чтобы уже убить ее...

Мои мысли путались. Мой мозг отчаянно пытался вспомнить. Да, я помню, спустя три года после смерти отца мать полюбила. Не знаю, любила ли она по-настоящему или придумала эту любовь. Скорее всего – второе. Но в любом случае я не перечила этой любви. И в любом случае, мать перестала каждый вечер сидеть в оцепенении на одном месте. Неотрывно глядя на дверь. И шептать пересохшими губами:

– Сашенька, скоро придет твой отец. Без него не будем начинать праздник...

Только когда мать встретила другого человека. Она перестала ждать. Мне было не просто наблюдать за этим. Но гораздо больнее было видеть, что она ждет. Тем самым убеждая и меня, что отец жив. И что он придет, чтобы наконец отпраздновать мое тринадцатилетие. И после этого все пойдет своим чередом. Мы застыли во времени. И время застыло в нас. И только, когда мать вновь полюбила (или придумала эту любовь, какая разница?). Время вновь стало существовать для нас. Вновь приняло конкретную, движущуюся форму.

Вместе с матерью перестала ждать и я. И мы на время ожили. Но это была всего лишь передышка перед новой бедой, перед новым несчастьем. Но мы это не знали. Мы не знали, что всего лишь четырнадцать лет счастья было уготовано судьбой для нас троих. С момента моего зачатия до смерти отца. Всего лишь четырнадцать лет. Огромного, настоящего счастья. За которое нам пришлось заплатить сполна. Судьба не любит слишком счастливых. Она их уничтожает. Но это я знаю только теперь...

Окаменев, я сидела на одном месте. Сжимая в кулаке письмо. Мое лицо побледнело. Мои глаза были пусты. И слез уже не было. Слишком большая беда уже не вызывает слез. Потому что убивает все чувства. Для слез нужны чувства...

Женя приблизился вплотную ко мне. И протянул сигарету. Моя рука уже не дрожала, когда я прикуривала от его зажигалки. И мой голос уже не дрожал, когда я ему сказала.

– Мать не назвала в письме имя этого человека.

– Конечно, – тут же согласился он. – Их связь держалась в строгой тайне. И они оба соблюдали крайнюю осторожность. Он был не просто парнем с улицы. К тому же – женат. И они оба не хотели подвергать испытанию его репутацию. Об их отношениях знал только я.

– И только вы знали, что этот человек – убийца. И ничего не предприняли, – продолжила я за него.

– Нет, – твердо ответил Женя. – Об этом я узнал совсем недавно. В мои руки попали важные документы.

– В таком случае их можно обнародовать. И наказать виновного.

Он посмотрел на меня, как на маленькую. Снисходительно. Свысока. Многоопытный, много повидавший. Искушенный мужчина. И я видела, как он хочет сказать: «Девочка...»

– Александра, – сказал он. – Я буду откровенен до конца. Конечно, мы можем обнародовать эти документы. Мы можем даже попытаться в открытую обвинить этого человека. Но я твердо убежден, в этой борьбе полетят только наши головы. Поверьте мне, я знаю, что говорю. Я связан с МВД. Я связан с политическими организациями. И я знаю. Чем может закончиться это дело. Вам нельзя много знать. Иначе вы подвергнетесь страшному риску. И поэтому я не скажу ничего конкретного. Но это немало... Ваш отец погиб не от руки обычного уголовника. В его смерти замешаны влиятельные силы. Поверьте. И сейчас эти влиятельные силы у власти. Этого человека будут защищать. И сделать это будет не так уж трудно. Вы – никто. Вы – пешка. По сравнению с ним. Но даже если предположить самое невероятное. Что какой-нибудь честный Робин Гуд нам поверит. И займется всерьез этим делом. И даже на начальной стадии ему повезет. Поскольку поначалу никто не обратит внимания на твяканье этой моськи. Но потом... Потом, поверьте, будет совсем по-другому. Даже если придется собирать суд. К этому времени уже будут уничтожены все документы. Я до суда вряд ли доживу. Допустим, хоть это нереально, останетесь вы. И даже суд состоится. Ну и что? Чтобы заткнуть глотку общественности и правдолюбцам. Им бросят кость. И обвинят этого человека в каких-то незначительных махинациях. И засудят в лучшем случае на пару лет. Через год он попадет под амнистию... И вы уже вряд ли доживете до этой амнистии. А он переживет всех. Такие люди не умирают от руки закона.

– Но это не значит, что они не умирают вообще, – я стиснула зубы. И сжала кулаки. В уголках моих губ появились жесткие складки.

– Возможно я говорю шокирующие вас вещи...

– Меня уже давно ничего не шокирует, – резко прервала я его. – Вы разговариваете не с девчонкой из пансиона для благородных девиц. Вы разговариваете с человеком. Который верит в справедливость мира настолько же, насколько этот мир справедлив на самом деле.

– Я рад, что вы меня понимаете...

– Да нет, черт побери! Как раз вас я абсолютно не понимаю! Вы говорите о возмездии. О справедливой мести. Но... Но при этом не желаете назвать имя человека. Который заслуживает

смерти! Мне что, от отчаяния стрелять в воздух! Так при этом я могу нечаянно попасть в птицу! А мне бы не хотелось стрелять в живое... В Божье творение...

– И тем не менее вы не раздумывая можете убить человека.

Я покачала головой.

– Этот человек далеко не Божье творение. Скорее – дьявольское. И даже если я не права. Я готова отвечать за убийство. Но пусть вначале поплатится он. Только так я смогу расплатиться за смерть своих родителей. Назовите мне его имя, – почти приказала я Жене.

– Нет, – отрезал он. – Я не имею права. Вы можете натворить много глупостей. Вы эмоциональны. Вы импульсивны. Если я сейчас назову его имя. Бог знает, доживете ли вы до сегодняшнего вечера. Вы же непременно начнете куда-то мчаться, звонить, стучаться во все кабинеты. Вы же не усидите на одном месте. Вы перестанете себя контролировать. И потом... Есть еще одно «но». Вы же не убийца. Вы просто человек. Женщина. Которая при определенном стечении обстоятельств готова на преступление. И когда я назову имя этого человека... Вы вряд ли сможете его убить. Вы просто не доживете до убийства. Вы попытаетесь воззвать к его совести. Порядочности. Чести. И прочее. Вы сделаете попытку урегулировать все другим путем. Разве не так? Но этот путь просто приведет вас к гибели. Вот и все. Вы этого хотите? Вы по-прежнему желаете, чтобы я назвал его имя?

Я задумалась. Он был, пожалуй, прав. Я боялась знать. Я бы непременно стала планировать это преступление. И в итоге бы от него отказалась. Передо мной был бы живой человек. Со своими слабостями. Со своей судьбой. У которого есть жена, может быть – дети. Я не профессиональный убийца. Я бы совершила массу ошибок. И на этом пути наверняка сломала бы себе голову. Нет. Женья прав. Мне нельзя знать это имя. Я не должна смотреть в глаза человеку, которого хочу уничтожить. Я просто его должна уничтожить. И только потом встретиться где-то там. За пределами нашей жизни со своими родителями. И им сказать.

– Может быть, я была не права. Но я сделала все, что могла. Чтобы за вас отомстить. Если бы это сделал закон. Я бы никогда не посмела убить. Но закон никогда не был на стороне нашей семьи. Следовательно его вообще не существовало.

– Вы по-прежнему хотите узнать его имя, Александра? – повторил свой вопрос Женья, неотрывно глядя в мои глаза.

– Нет, – тихо ответила я. – Но... Но с какой стати я вам должна верить?

– Вы мне ничего не должны. Как и я – вам. Мы можем сейчас же разойтись в разные стороны. И никогда больше не встретиться... Я исполнил свой долг. Я наконец решился вам сказать правду...

– Ах, только не говорите мне, ради Бога, о долге! – я непроизвольно повысила голос. И не потому. Что меня раздражал Женья. Мне он по-прежнему нравился. Меня раздражало. Что сейчас мне нужно на что-то решиться. Я давно отвыкла принимать решения. – Ради Бога, Женья! Я в жизни не поверю. Что вы пришли ко мне с благотворительной миссией. Наверняка, вам просто нужно убрать неуютного вам человека. И вы хотите это сделать моими руками...

– Не будьте смешной, Александра, – он вновь посмотрел на меня, как на маленькую. И мне это понравилось. Я так давно не чувствовала себя ребенком. Мое детство закончилось в тринадцать лет... – Вы, как ребенок, Александра. Если бы мне нужно было бы кого-то убрать, уж поверьте. Я не шел бы на такой нелепый риск. Прибегая к помощи какой-то девчонки... И потом... Я же вам говорю. Я ни на чем не настаиваю. Вам решать. Мое дело – рассказать правду. Исключительно ради памяти вашей матери. Я к ней очень хорошо относился. Мы познакомились с ней в Лондоне. Она покупала платье для девочки. Она улыбнулась мне и сказала, что это ко дню рождения. Помню, такое воздушное. Васильковое платье. Не очень модное. Но очень изящное. Наверно, для вас...

Я до боли стиснула виски. Мне стало трудно дышать. И он понял. Что совершил ошибку.

Словно желая исправить свою вину. И заглушить мою боль. Женя резко надавил на кнопку магнитофона. И низкий густой бас Локарева разбил тишину.

И мне вновь стало легче. Мне вновь показалось, что я не одна. Пока есть песни Локарева. Которые любили мои родители. Я не могла быть одна. Потому что это значит, что еще существует мир. Где живут по законам совести, правды, любви.

– Старые записи, – перебил голос певца Женя. – Давно забытые песни. Кому теперь это нужно? Но мне они очень нравятся. А вам, Александра?

Мне? Разве я могу объяснить, что они для меня значат. Разве это возможно? Рассказать, что эти песни звучали четырнадцать лет, когда мы так были счастливы. И потом... Разве возможно рассказать. Что эти песни звучали. Когда все разрушилось в один миг. И эти песни выжили и помогли выжить нам с мамой. И потом – мне...

– Вам они нравятся, Александра?

Я смогла только кивнуть. Объяснять не имело смысла. Не всегда можно объяснить счастье и боль.

– М-да, – неопределенно протянул Женя. И затушил сигарету. И протянул мне руку. – Я был не прав, Александра. Не нужно было все это... Приходить, объяснять. Были правы именно вы. Не всегда нужна правда. Чаще она только мешает. До свидания, Александра. Ты еще научишься улыбаться.

Он собирался уходить. Но я со всей силы сжала его ладонь. Я его не отпускала. Он удивленно взметнул брови.

– Возможно, – прохрипела я. – Возможно, я еще научусь улыбаться. Но только тогда. Когда освобожусь от всего этого... Помогите мне... Пожалуйста, помогите...

Он вздохнул. Приблизился вновь к окну. И, глядя вдаль, заговорил...

И потом. Когда за Женей захлопнулась дверь. Я так же приблизилась к окну. И долго смотрела ему вслед. И вновь все было, как во сне. Когда нет сил думать. Есть силы только смотреть.

Широкие уверенные шаги Жени. Распахнутый плащ, развевающийся на ветру. Спутанные светлые волосы. Дымок от прикуренной сигареты. На повороте от дома – женщина. Удивительно красивая. Тоже. Из другого мира. Который я никогда не узнаю. Мира, где возможно так элегантно одеваться. Иметь такие ухоженные руки. Такие роскошные черные пышные волосы. Нарочито небрежно выбивающиеся из-под широкополой белой шляпы. Такую открытую белозубую улыбку. Такие уверенные жесты. И такое неприкрытое. Откровенное желание. Жить в этом мире. И любить этот мир.

Она поцеловала Женю в губы. И они вместе скрылись за поворотом. Только для них шумела зеленая листва. Сверкали лучи солнца в соседних окнах. Только для них существовало лето. Я такую жизнь никогда не узнаю. И лето для меня уже давно не наступает. И уже не наступит...

А потом, опять же. Как во сне. Я забралась с ногами на скрипучий диван. И пустым взглядом смотрела на фотографию. На которой смеялись мы втроем – мама, папа и я. Я не помню. Что нас тогда рассмешило. По-моему, лысый фотограф. Который сверкал золотыми передними зубами и шепелявил:

– Улыбочку! Улыбнитесь, молодые люди. Вы так прекрасны.

И мы хохотали во весь голос. И он обижался.

– Ну, почему вы смеетесь? Я же просил просто улыбнуться.

И мы вновь хохотали. И ему ничего не оставалось, как именно такими нас и запечатлеть навеки... И кто придумал такое дурацкое слово – навеки. Если вечность – это миф. И неужели я когда-то так могла хохотать? И неужели на фотографии – это я? Да. Это я. И теперь меня

нет. Так о чем мне жалеть? Если лета никогда уже для меня не наступит. И если я никогда не смогу так улыбаться, как Женя и его черноволосая подруга.

Мои пальцы нащупали холодную сталь револьвера, оставленного Женей. Стоит только нажать на курок. И все будет кончено. Оружие меня никогда еще не подводило. Стоит только нажать на курок. И не нужно будет терзать себя мыслями об возмездии. И несправедливости жизни и смерти. Стоит только нажать на курок. И я уйду. Почти по-английски. Так никому и не сказав «Прощай». Потому что прощаться мне не с кем. Разве что с воспоминаниями. Которые причиняют мне только боль. Я не хочу больше боли. Я от нее устала. И я не смогу к ней привыкнуть. И единственный способ избавиться от нее – это уйти самой.

Мои мысли перебил телефонный звонок. Я вздрогнула. Я очнулась. Но я уже не боялась телефонного звонка. Если после смерти отца я всегда со страхом смотрела на звенящий аппарат. Потому что ждала от него только плохого. То теперь мне нечего было бояться. Я свое отбоялась. Мне больше не кого было терять.

Телефонный звонок был очень некстати. Чуть позже – и он бы уже трезвонил для мертвого человека. Который бы никогда не смог ответить. Но я пока еще была жива. И я удивилась. Последний год я почти ни с кем не общалась. Я порвала всякие знакомства. Я была разлучена с нормальным внешним миром. И в моем доме давно царила тишина.

Но я еще была жива. И поэтому восприняла звонок как знак. Перед последним окончательным решением. И я подняла трубку. И мой голос прозвучал словно издали. Приглушенно и тихо.

– Алло. Да, я вас слушаю. Алло.

– Бегония! Ты что ли! Как здорово, что это ты! – звонкий, до боли знакомый голос. Голос, который не предвещает беды. Который помогает от нее уйти.

И я его узнала. Ну, конечно! Бегонией меня называл только он. Как давно я не слышала этот голос. И, услышав, облегченно вздохнула. И швырнула револьвер на диван. Он мне мешал. Он выглядел глупо в моей руке. Когда я отвечала по телефону человеку. Единственному, кого еще мне было приятно слышать. И о котором я сумела забыть.

– Санька! Почему ты молчишь! Ты меня узнала! Алло! Это я...

– Конечно, узнала, Ромка. Конечно, узнала.

Я не могла не узнать человека. Единственного, кому я еще была нужна. Когда осталась совсем одна. Рома Романков. В классе все его звали Ромкой. Рыженький, веснушчатый, лопухий. На редкость смешной и шустренький. Ромка. Немножко двоечник, немножко хулиган. Душа на распашку. Все относились к нему с легким презрением. С откровенной снисходительностью. Как к парню, у которого, судя по его безродности, нет достойного прошлого. Нет достойного настоящего. И, уж конечно, не может быть достойного будущего.

Я к нему не относилась никак. Я его просто не замечала. Мой круг знакомств был совершенно иным. Интеллектуальным, немножко эстетным. С налетом небрежного высокомерия. Присущего всем деткам из почтенных семей. Я не скажу, что этот круг мне нравился. Но меня он вполне устраивал. Во всяком случае там можно было завести непринужденную беседу о литературе, музыке, театре. И во всяком случае там уже каждый знал, что его будущее обеспечено. И если не каждый с уверенностью мог сказать, кем он станет. Но то что обязательно кем-то станет – это было очевидным. Что никак нельзя было сказать о Ромке. И ему подобных.

Ромке я нравилась давно. Но я это никогда не знала. А если бы и узнала, то непременно бы удивилась. На что он может рассчитывать, этот лопухий оборванец? Но Ромка ни на что и не рассчитывал. Я ему нравилась издали. Как красивый, нарядный манекен, на который он может смотреть только через стекло. Восхищаться им. Но не более.

И хотя я несколько отличалась от своих приятелей и подружек. Поскольку в моей семье было не принято высокомерно относиться к людям. К какому бы классу они не принадлежали. И было принято уважать любую личность. И пытаться понять любого. Я все же не заводила

иных знакомств. Мне было проще крутиться именно в этом эстетском кругу всезнаек и отличников. Чистюль и моралистов. И я не могла предположить, что в один миг и так легко все моралисты и чистюли. Эстеты и интеллектуалы. Отвернуться от меня. От моей беды. Испугавшись за свои шкуры. Испугавшись слез и разочарований. Испугавшись краха надежд. Они еще больше замкнулись в себе. Они еще больше завязли в своем пустословии. В своих принципах. Чванстве. Тем самым пытаюсь доказать себе и другим, что у них сложится все по-другому. У них сложится все прекрасно. В отличие от меня. Дважды в одну воронку снаряд не попадает. И если этот снаряд выбрал нашу семью, пусть в нашей семье и останется. Им незачем подставлять свои головы. Их головы пригодятся для более высоких целей.

И я осталась совсем одна. И я никак не ожидала, что единственным, кто попытается протянуть мне руку помощи, окажется Ромка. Ромка, о существовании которого я начисто забыла.

Он явился ко мне внезапно. На следующий день после похорон матери. Помню, было очень душно. И запах от венков, цветов, свеч никак не проветривался. Впрочем, по-моему, я тогда и не собиралась проветривать комнату. Я хотела оставить все, как есть.

Я сидела на полу, на корточках, обхватив колени руками. Я давно уже не плакала. Мои мысли и чувства окаменели. И не было места слезам.

Он долго звонил в дверь. Но я не открывала. Мне некого было больше ждать. И тогда он вошел. Помню. Я даже нашла силы удивиться. Потому что помнила. Что запирала дверь на ключ. Но я ничего не спросила. Я не могла разговаривать. Комок слов застрял в горле. И я медленно подняла голову и посмотрела на Ромку. По-моему, я сначала его не узнала.

– Санька, – тихо сказал он. – Ты извини... Там было заперто, но я умею открывать двери отмычкой. Я сделал это... Ну, в общем, я просто за тебя испугался.

Я смотрела на него бессмысленным взглядом. И молчала. И машинально пыталась вспомнить, как его зовут.

Он извиняюще улыбнулся. И протянул руку.

– Это я, Ромка. Ну, скажи, что ты меня узнаешь. Ну, пожалуйста. Ну, пожалуйста, встань, Саня. Я прошу тебя.

Я медленно, так же машинально, поднялась.

– Зачем ты здесь, – выдавила я из себя. Помню, я с трудом произносила слова. И боялась слов. Слова обязывали меня воспринимать окружающий мир. Я же хотела остаться в своем. Где уже нет слов, нет чувств и нет слез. Где можно бесконечно долго сидеть на корточках с остекленелым взглядом. И просто молчать. И ни о чем не думать. Мысли тоже приносили мне боль.

– Ну скажи, Санька. Что я могу для тебя сделать? Чем могу помочь? Ну, пожалуйста, скажи, я тебя умоляю, – не отставал Ромка. И помню, мне так понравилось, что он не выражал соболезнований. Которые в любом случае кажутся фальшивыми. Потому что их выражают те. С кем не приключилось беды. Те, которые на беду могут смотреть только со стороны. И в душе радоваться. Что они не на моем месте.

Ромка не выражал соболезнований. Не разглагольствовал о брэнностях нашей жизни. И не философствовал о превратностях судьбы. По-моему, он не умел это делать. Он был проще, естественней и наивней. И понимал. Что словом беде не поможешь. И это понимание шло не от ума. А скорее от его бесхитростной, почти детской души. Поэтому я его не прогнала. Поэтому он мне не мешал. Он просто был.

– Ну, ответь, Санька, что я могу для тебя сделать?

Разве можно было что-то для меня тогда сделать? И я посмотрела на засохшую бегонию, стоящую на подоконнике. Первый раз она засохла незадолго до смерти отца. И мы думали. Что она погибла. И уже не поливали этот мертвый цветок. Но неожиданно спустя неделю она ожила.

Расцвела. Окрепла. И на ней появились крупные розовые цветки с зеленой завязью. Второй раз она стала засыхать незадолго до смерти матери. Листья стали молниеносно чернеть. Стебель согнулся. И мы вновь ее решили не поливать. Но это уже не помогло. Бегония окончательно погибла. Она словно чувствовала, что в доме не осталось живой души. Следовательно и жить было незачем.

Помню. Я приблизилась к мертвому растению. Пальцем приподняла скрючившийся ствол. И внимательно посмотрела на Ромку. Не знаю почему. Но я тогда сказала.

– Принеси мне, Ромка, бегонию.

И он не удивился. Он ободряюще кивнул. И скрылся за дверью.

Через полчаса на моем подоконнике стоял горшок с цветущим растением. Пышущим здоровьем и силой. С сочными, густо разветвленными стеблями. С бархатистыми темно-зелеными и бордовыми листьями. В которых запутались, как огоньки, красно-розовые цветки.

– Это особый вид бегонии, – торжественно произнес Ромка. – Она называется – вечно-цветущая. Она теперь никогда не засохнет. И будет у тебя цвести вечно. Ты мне веришь, Саня?

Я пожала плечами. Я уже не знала, что такое вера.

А на следующий день на моем подоконнике красовалось еще одно растение. И Ромка загадочно улыбался.

– А это бегония диадема. Видишь, у нее крупные цветки, беловато-розовые. А листья... Ну, посмотри же, Санька. Они цвета оливок, а по краям серебристые. Красиво, правда?

Я пожала плечами. Я уже не понимала красивое.

Но Ромка не отчаивался. И на следующий день торжественно преподнес еще одно цветущее растение.

– Бегония королевская! Самая прекрасная бегония в мире! Знаешь почему? Потому что она похожа на тебя, Саня. Листья – изумруд. И на них – серебристые пятна. Словно королевская корона. Ты как королева, Саня. Это правда...

Я пожала плечами. Я уже не понимала, где правда.

Но Ромку я никогда не прогоняла. И мои подоконники постепенно превращались в цветущий сад из бегоний. Они были разных видов. Разных цветов. Я и не знала. Что на свете существует столько разных бегоний. Я так и запомнила те дни одиночества. Пульсирующая боль в саду цветущих бегоний.

И о жизни мне напоминал только Ромка. Он оказался удивительным парнем. Он умел все. Он меня кормил. Он убирал. Он починил плиту и магнитофон. И вновь зазвучали песни Локарева. И он, как и я. Восхищался этими песнями.

– Здорово, – выдыхал он, – вот это парень. Знаешь, Санька, даже жить не страшно. И умирать тем более. Когда есть такие классные парни.

Ромка простыми. Бесхитростными словами порой выражал самые мудрые мысли. И его простые понятия не шли ни в какое сравнение ни с какими высокопарными, грамотно выстроенными, доведенными до логического абсурда. Фразами моих бывших приятелей и подружек.

Я тогда говорила мало. Хотя умела красиво говорить. Ромка говорил много. Хотя красиво говорить не умел. Мы удачно дополняли друг друга. И ни кто иной как Ромка мне помог выжить в первое время. Он словоблудием. Словоохотливостью. Словно пытался заглушить мою боль. Перебить мое одиночество. И ему это почти удавалось. И воспринимала я только его и цветущий сад из бегоний.

– Ты представляешь, Санька. Эти бегонии обитают в самых затененных местах, в расщелинах скал, на старых деревьях и корнях. Представляешь. В мертвом царстве выживают такие цветы! По-моему, они специально там живут. Чтобы доказать всем, что смерти не бывает. Даже если все на свете умрет. Кто-нибудь обязательно выживет. И даже в самой безнадежной ситуации можно раскопать вот такую бегонию. Потому что, Санька, смерть победит не может...

– Может, – тихо, но уверенно ответила я.

– Не-а, – Ромка встряхнул своей рыжей шевелюрой. – Знаешь, я вообще никогда не знал родителей. И никогда их не видел. У меня была только старая тетка. Но... Но у меня есть фотки родичей. Я смотрю на них. И время словно оживает. И мне кажется. Я не один. Знаешь, Санька, у тебя есть гораздо большее. Если есть воспоминания...

– Не надо! – крикнула я. – Прошу тебя! Не надо!

Он съежился. Стал меньше ростом. Его взгляд потух. И мне его стало искренне жаль. Что я в сущности знала об этом парне? И разве ему легче моего? Но тогда я не в силах была принять на себя и чужую боль.

Он смотрел на меня влюбленным взглядом. Но так и не сказал о любви. Он не умел говорить красивые слова. И по-прежнему считал меня королевой. На которую можно только смотреть. Которой можно только любоваться. Но которая никогда не снизойдет до него. Потому что у него нет на это права.

– До свидания, моя Бегония. Цветущая в расщелинах скал, – вместо слов любви сказал он. Довольно красиво сказал. На сей раз это ему удалось. – Не грусти. Завтра я принесу тебе еще один цветок. Бегония желтая называется. В твоём саду еще нет такого цветка.

Я испуганно вздрогнула. Неприятное предчувствие кольнуло в моей груди.

– Нет, пожалуйста, не приноси. Не надо больше бегоний. Прошу тебя. Не надо...

Бегонию желтую он так и не принес. Потому что не пришел сам. И я вновь осталась одна. Наедине со своей болью, цветущей в саду из бегоний.

Мне пришлось продать многое из вещей. Чтобы просто жить. И я легко освобождалась от них. Мне они мешали. Но с бегониями я так и не рассталась. Хотя часто забывала про них. Мало ухаживала и редко поливала. Но они вопреки всему жили в моем доме. Вопреки всему сад из бегоний пышно цвел в мертвом. Сильно затемненном царстве. В расщелинах скал...

И сегодня я вновь услышала это, до боли родное, уже почти забытое:

– Бегония, ты что ли? Почему ты молчишь? Твой сад еще жив? – кричал он в телефонную трубку.

– Жив, Ромка, почему-то еще жив.

– Я же тебе говорил. Что-нибудь да обязательно выживет.

Он прав. Что-нибудь обязательно выживет. И даже если бы я незадолго до телефонного звонка решила на единственный выстрел. Сад из бегоний вопреки всему продолжал бы цвести. И Ромка застал бы этот цветущий сад...

– Где ты пропадал, Ромка? Мне тебя так не хватало...

– Это правда, Саня?

– Это правда.

– Значит, я не совершил ошибки. Я оставил тебе эти цветы. Они напоминали обо мне.

– Но это не значит, что они тебя заменили. Лучше было бы, если бы ты взял меня с собой.

Где ты был, Ромка?

– В затененном месте, в расщелинах скал. Там даже не растут бегонии. Но там все равно можно выжить. Я не мог тебя с собой взять. Эти места не для королевы Бегонии.

– О, Боже! – выдохнула я. – О, Боже! Как я сразу не догадалась! Ромка, тебя посадили! Но... Но за что?! Ответь мне. За что?!

Впрочем, я могла и не спрашивать. Я все поняла.

– Это бегонии, Ромка?

– Не надо об этом, прошу тебя, не надо...

– Но почему ты мне ничего не сказал! Я бы... Я бы могла помочь тебе! Я бы дала показания... Я бы...

– Не говори ерунды, Саша. Сад из бегоний для одной Королевы стоит свободы. Нет. Он стоит гораздо большего...

– Ох, Ромка, что ты делаешь со своей жизнью...

– Нет, Саша, что ты делаешь со своею жизнью. Ответь, что? Я же продолжаю любить жизнь. Верить людям. Даже там... Даже там я умудрился найти друзей. Мне нравится жить, Саша. Потому что сейчас лето. Потому что я опять свободен. Даже более, чем свободен. Я в отличие от других уже знаю, что такое свобода. И тем она прекрасней. Я счастлив. Что на свете живет самая красивая девушка в мире. Похожая на королеву. Которую я совсем скоро увижу. Я рад. Что на свете существуют бегонии. Которые умудряются жить в мертвом царстве. Я рад. Что у меня есть фотки родителей. Которых я никогда не видел. Но знаю. Что они были и любили меня. И это уже не мало. Но ты... Ты. Саша. Что ты делаешь со своей жизнью? И об этом я хочу с тобой поскорее поговорить.

– Ты так повзрослел, Ромка.

– В этом ты сможешь совсем скоро убедиться. Я сейчас приеду. С одной маленькой бегонией. Она называется Гоэгская. Фу ты, какое дурацкое название. Язык сломишь...

– Нет! – выкрикнула я. – Нет, пожалуйста, не надо.

Он расхохотался в трубку.

– Не волнуйся, королева. Я не стану ее воровать. К тому же все продавщицы цветочных магазинов меня знают, как облупленного. Не стану им доставлять удовольствие... Я просто сорву тебе маленький цветочек с клумбы. Это же вполне невинное занятие, правда? Один цветочек с городской клумбы для хорошенькой девушки. Думаю меня простят...

– Нет, пожалуйста, не надо, – как заученный текст повторяла я. – Не надо... Мне нужно уйти. Меня сегодня не будет...

Я почти не лгала. Мне нужно было во что бы то ни стало принять решение. Чтобы уйти. И выхода было всего два. Уйти из жизни. Или уйти. Чтобы уничтожить другую жизнь. И эти два выхода были страшны. И мне так захотелось поделиться своими страхами с Ромкой. Но я сдержалась. Один раз он уже пытался помочь мне ценой собственной свободы. Я не хочу. Чтобы он помогал мне теперь ценой жизни. Он не заслужил такого.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.